

МУЗЫ

Я зашла и застыла: передо мной, оперевшись всем телом на маленький деревянный гробик, стоял на коленях косматый человек. Над ним возвышался старик, который держал за руку странного мальчика лет семи: лицо ребенка светилось мистическим потусторонним светом.

Его отец, опустившийся на колени, привез своего заболевшего сына из соседней деревни. Знал, куда ехал, — в этой заброшенной в лесу избушке жил старец, который никогда никому не отказывал в помощи и совете. Говорят, старец молился, и тот, кто вчера еще не мог ходить, вставал и наливался силой. Но крестьянину не повезло: в дороге мальчик умер, и отец внес его к старцу уже бездыханным. Смахнул слезу перед ликом встретившего его старика, почесал в затылке и поехал за гробиком. А когда вернулся, увидел, что сын живой. Упал на колени, воздел руки к старцу. Но тот сказал: "Ошибся ты, не умер твой сын, а просто заснул". Кивнул крестьянин головой, но не поверил.

Может быть, благодаря крестьянскому неверию и вошла эта история в житие преподобного Сергия Радонежского. А затем появилась на огромнейшем холсте художника. Только не спрашивайте меня фамилию художника: он пока еще неизвестный, и картину эту его скромность преподобного Сергия вы нигде не увидите, потому что это первая самостоятельная (и она же дипломная) работа выпускника Академии живописи, ваяния и зодчества, что в самом центре Москвы, в легендарном баженовском доме на Мясницкой — там, где еще сохранилась старая школа, известная Европе как школа реалистического искусства.

Художники и специалисты могут спорить сколько угодно на тему того, что время реалистического искусства давно прошло и сегодня оно-де неактуально. Но ректор академии и ее основатель, Илья Глазунов, доказывают обратное. Невероятными очередями на выставки своих работ и работ студентов и преподавателей академии. Восхищенными взглядами известных в мире людей, которые иногда заходят сюда на экскурсию. И даже наивной репликой Черномырдина, заглянувшего как-то на Мясницкую: "Илья Сергеевич, я все понял — ведь это копии из Третьяковки!"

— Не копии это, — смеется Глазунов, — оригиналы. Работы наших студентов. И воспринимают их как копии прошлых столетий именно потому, что нет больше художников, умеющих писать реалистично, а мы остались единственным бастионом во всей Европе. Сами судите: из наших выставок исчезла Картина, как из нашей литературы исчез настоящий хороший роман, как исчезает классический балет Улановой и Плисецкой. Почему исчезла Картина? Да потому, что разучились ее писать. Чтобы написать Картину, нужно виртуозно рисовать, иметь свои мысли, уметь выразить себя. А на выставках сегодня — так называемое современное искусство, которое никто не хочет видеть и посещать. Вот у нас вчера в академии были представители флорентийской мэрии и удивлялись, что, оказывается, в России, в Москве, сохранена европейская школа, которая уже не существует в Европе... А что вы мне про фовистов говорите? Разве можно сравнивать Шалаяпина и современный "тенц-бренц"? То-то же.

Илья Сергеевич прав. Как бы там ни было, как бы ни относились к Глазунову, его работам и тому делу, которому он отдал последние 15 лет (читай — академии), не найти сегодня в мире среди черных квадратов, пуантилизма, фовизма и поп-арта представителей реалистического искусства. Канули в Лету Регин, Васнецов и Саврасов. И вот почему удивительно это — открыть, что в Москве сохранился островок старой школы.

Глазунов прикуривает на ходу сигарету и, сыпля пепел на роскошный паркет, тащит меня за руку в анфиладу залов. Мы проносимся мимо стен с бесконечным числом портретов, пейзажей, натюрмортов (работы студентов, разумеется), из мастерской в мастерскую, из живописного класса — в класс анатомический, из русского зала — в зал копийный, из аудитории — в музей. Глазунов на ходу комментирует. Говорит, например, что без музея студентам никак нельзя: вон у них во дворе академии разрушенная старинная

Говорят, что Глазунов носится со своей академией, как Церетели с памятником Петру. И это раздражает. Сидел бы, жаловался, поскуливал, разваливал бы и без того развалившееся баженовское здание, может, тогда все было бы по-другому. А я за столько лет знакомства с Глазуновым впервые сюда зашла. И скажу вам так: и правильно делает, что носится. И не скулит. И не жалуется. У него здесь свой маленький Лувр. Эрмитаж. Третьяковка. Впечатляет — я немало посмотрела на своем веку храмов искусства по всему миру.

ГЛАЗУНОВ

СВОИ СОБСТВЕННЫМИ В нем растят реалистов

постройка. И он обязательно сделает там музей современного реалистического искусства, но там будут и работы старых мастеров. Потому что такого музея еще в мире нет. И потому что любой начинающий художник должен сюда приходить и смотреть, как рисовали раньше молодые Врубель и Серов.

Глазунов давно начал собирать свою коллекцию для музея, многие работы были в ужасном состоянии, перепачканные, порванные. "Мы их отреставрировали, и они здесь. Это дышанье старой школы. Это работы молодых художников, которые впоследствии стали великими, — говорит Глазунов. — Вот она, настоящая школа, где не учили и, как мы, не учат быть художниками. Настоящая школа не "набивает руку", а лишь да-

ет главное — понятие о пространстве, об анатомии, о форме. И не наша компетенция воспитывать художника, это компетенция Господа Бога. А наша компетенция традиционна и консервативна. Мы даем азы, чтобы из наших студентов выросли самые разные мастера, со своим почерком и стилем. Невозможно стать художником по заказу. Сначала нужно учиться, уметь учиться, набираться опыта, мудрости, жизни, чтобы было чем поделиться. Ведь картина — это знаете что? Это не три кубика, выстроенные в непонятную форму, облепленные кашками. Картина — это разговор со зрителем".

Глазунов создал свою академию 15 лет назад. Или даже раньше, когда организовал в Суриковском мастерскую портрета. А в это здание на Мясницкой он пришел еще при СССР, когда здесь сидело двадцать разных военных и научных учреждений, где были голые стены, разрушенный паркет, по которому бегали крысы, и где вечерами устраивали ночевки бомжи. В этом здании, доме Юшкова, построенном Баженовым, до революции располагалось московское училище живописи, ваяния и зодчества, в котором преподавали и учились многие художники, известные нам по родной Третьяковке. А Глазунов вернул здание искус-

ству. Реалистическому искусству. И теперь готовит художников-живописцев, архитекторов, скульпторов, искусствоведов, реставраторов. Каждый год дипломы получают около 50 студентов. Кто-то из них открыл свои реставрационные мастерские, кто-то возглавляет союз реалистов в Лос-Анджелесе, кто-то стал главным художником в Ватикане при Папе Римском, кто-то создал свою галерею.

И учат здесь бесплатно. Холсты, краски, кисти и даже микроскопическое общежитие, в котором не умещаются все студенты, найденные в глубинке. И библиотека в академии роскошнейшая. Глазунов, раскуривая очередную сигарету, хвастается, что это — настоящий дуб, потому что в дубе лучше хранятся книги. Что сделана она по его эскизам, но за основу взят принцип отделки императорской художественной академии. Что делал он библиотеку по всем стандартам лучших мировых библиотек. "А уж про то, какие у нас здесь собраны редкие книги по искусству, истории и религии, я вообще молчу", — замечает Илья Сергеевич.

— Я мечтал создать настоящий храм искусства. Сам рисовал эскизы — даже для кресел и портьер. Наши преподаватели, получая 150 долларов зарплаты, еще находят время (за что я им невероятно благодарен), чтобы ездить по России и собирать для академии реквизит: настоящие сани XIX века, свадебные платья XVIII века, прялки, иконы, ведра, корзины: студенты должны учиться не на копиях, а на оригиналах. И дышать красотой. Вы только посмотрите на наш парадный вход: Лувр отдыхает, — смеется Глазунов, заставляя меня фотографироваться на фоне статуи Ники Самофракийской. — Да, я мечтал создать храм искусства. И у меня это получилось. Поэтому я и, как вы говорите, "ношусь" с академией. А с чем же мне еще, с вашего позволения, "ношусь"?